

Артемий Мар

A man is sitting at a small table in a dimly lit room, looking out a large window. The window is covered in rain, and the view outside is a blurred city street at night with warm lights. The man is in silhouette, and a glass of water sits on the table. The overall mood is contemplative and quiet.

**ТРИ слова для
ТИШИНЫ**

Артемий Мар

ТРИ слова для тишины

«Автор»

2026

Мар А.

ТРИ слова для тишины / А. Мар — «Автор», 2026

Мир вокруг теряет четкость. Воспоминания конфликтуют. Идея "реальности как текста, который редактируют", "Корректора" как антивируса и людей как "отголосков" или "сценариев". Это роман: О памяти и идентичности — что делает нас собой, если наши воспоминания можно стереть и заменить чужими? О цене лжи и силе правды — можно ли построить стабильный мир на фальшивом фундаменте? О любви как единственном якорю в реальности, способном удержать даже того, кого система считает ошибкой. Для кого эта книга: Для тех, кто любит интеллектуальные триллеры в духе «Твин Пикса» и «Остаться в живых», где за детективным сюжетом скрываются глубокие философские вопросы. Для тех, кто готов погрузиться в атмосферу тотального недоверия к реальности и вынырнуть из неё с горьким, но очищающим пониманием: правда — это единственное, что нельзя стереть.

© Мар А., 2026

© Автор, 2026

Артемий Мар

ТРИ слова для тишины

ТРИ СЛОВА ДЛЯ ТИШИНЫ

Роман

Артемий Мар

Эпиграф

«Ложь обгоняет правду на полмира, пока та натягивает штаны».

Уинстон Черчилль

ПРОЛОГ

Дождь в тот вечер был не из тех, что льёт с неба. Он был другим – тихим, вязким, как будто кто-то стряхивал пепел с гигантской невидимой сигары. Он не стучал по крышам, а прилипал к асфальту и витринам, делая мир похожим на размытую акварель в оттенках свинца и гниющей меди.

Ресторан «Оазис» был таким же пятном в этой серости – крошечным, претенциозным, освещённым тёплым жёлтым светом, который обещал уют и был откровенной ложью. Внутри пахло дорогим стейком, подгоревшим сливочным маслом и тоской по другим вечерам. Всего трое посетителей: пожилая пара, молча ковырявшая вилками ужин, и мужчина у окна, Артём, лет пятидесяти. Он не прикасался к еде, лишь водил пальцем по конденсату на стакане, выводя спираль. Он ждал человека, с которым не виделся двадцать лет. Сообщение на телефоне гласило: «Жди. Приду. Объясню всё. В.»

Тишину разорвал не звонок, а удар.

Дверь не открыли – её вырвали из рук уходящей девушки. В проёме, затянутом дождевой пеленой, стояла фигура.

Он не был промокшим до нитки. Он был абсолютно сухим. И в этом была первая, леденящая противоестественность. Его деловой костюм сидел безупречно. Но лицо... напоминало треснувший фарфор, скреплённый последним усилием воли. Его безумные, широко открытые глаза метались по залу и вдруг впились в Артёма. Впились с таким грузом узнавания, вины и отчаяния, что у Артёма сердце упало в пятки.

Незнакомец зашагал внутрь. Его движения были резкими, роботизированными, будто его конечности слушались с полусекундной задержкой. Он остановился по центру зала.

– Всем. Слушать. – Его голос резанул тишину, как скальпель – сухой, сдавленный, безжизненный. – У вас нет времени. У меня его нет. Они почти здесь.

Он повернулся к Артёму, будто говоря только с ним.

– Кто вы? – с трудом выдавил Артём.

– Ты... ты должен был прийти в «Берлогу», – выдохнул незнакомец. – Я ждал. Я оставил там всё. Координаты, ключи, досье... на него. Чтобы ты нашёл его первым.

Артём онемел. «Берлога» – это был их с В. старый пароль, название заброшенной дачи двадцать лет назад. Как этот человек...

– Я был Чистильщиком. Моя работа – подчищать следы. Стирать швы. Чтобы история текла гладко. Чтобы вопросы не возникали.

Он судорожно глотнул воздух.

– Но я нашёл... ошибку. Лишнего персонажа. Его вписали с любовью. Я должен был его стереть. Стереть всё, что с ним связано. Начать с отца. Потом друзья... случайные свидетели... – его взгляд скользнул по другим посетителям. – Сделать так, будто его НИКОГДА не было.

Он замолчал, прислушиваясь к чему-то внутри. Снаружи был только дождь, но он вздрогнул, будто услышав тишину внутри этого шума.

– Я не смог. Потому что я понял... мы все можем быть ими. Кто-то мог стереть тех, кого мы любили, и вшить нам новые воспоминания. И мы даже не заметим.

Он вытащил из-под пиджака пистолет. Не для угрозы. С ритуальным чувством.

– Они идут за мной. Они – «НИКТО». Потому что, когда они заканчивают, тебя не убивают. Тебя... вычёркивают. Твоё место занимает логичное «никогда». «Уехал». «Никогда не существовал». И НИКОГО это не удивит.

Он поднял пистолет к виску, а его глаза, наконец обретя жуткую ясность, снова впились в Артёма.

– Он никогда не приходил! – крикнул он, и голос сорвался от боли и торжества. – Никто никогда никого не нашёл! Потому что нельзя найти того, кто никогда не существовал! Это... это ловушка. Ловушка для тебя. Посмотри на швы своей жизни. Пока не стало слишком поздно.

Выстрел грохнул в маленьком зале. Тело рухнуло на пол.

Наступила оглушительная тишина. Даже дождь за окном, казалось, замер.

И тогда Артём почувствовал это. Воздух сгустился, стал тягучим. Свет померк, но не погас – его вытеснила волна настоящей тишины, плывущая из угла зала. Активной, физической силы. Где она проходила – звук умирал. Отодвинутый стул не скрипнул.

Волна накрыла тело.

И тело начало распускаться. Как нитка на старом свитере. Края стали прозрачными, растворились в узоре кафеля. Через секунду на полу лежала лишь лужица, тут же высохшая, и пистолет – покрытый ржавчиной, будто пролежал в земле сто лет. Ещё мгновение – и он рассыпался в серый песок, который бесследно смешался с пылью.

Тишина отступила. Звуки вернулись: вой сирены автомобиля на улице, собственное прерывистое дыхание Артёма.

Он обвёл взглядом зал, ищущий хоть какое-то подтверждение кошмару.

И не нашёл его.

Пожилая пара мирно сидела за своим столиком. Перед ними стояли почти пустые тарелки из-под основных блюд – мужчина, судя по следам соуса, ел стейк, женщина – рыбу. Теперь они пили кофе. Мужчина аккуратно помешивал ложечкой в чашке, жена что-то шептала ему на ухо, улыбаясь. Официантка у барной стойки протирала бокал, глядя в окно на дождь. Её лицо было абсолютно спокойным, даже немного скучающим.

Ни следа ужаса. Ни шока. Ни даже простого любопытства.

Они сидели так, будто ровным счётом ничего не произошло. Не было выстрела. Не было сумасшедшего незнакомца. Не было тела, растворившегося в воздухе. Их вечер тек плавно, как и должен был течь, по гладкому, непробиваемому руслу обыденности.

Артём взглянул на свой стакан. Конденсат исчез. Спираль, которую он выводил, стерлась. Стекло было сухим и чистым.

Он схватил телефон. Сообщение «Жди. Приду. Объясню всё. В.» исчезло из истории. Его никогда не было.

Ледяной ужас, острее любого крика, сжал его горло. Он был единственным, кто помнил. Единственной ниточкой, которую не успели обрезать.

Его взгляд упал на пол. Рядом с его ногой лежал конверт, который выпал из кармана незнакомца. На нём не было ни имени, ни адреса. Только три слова, выведенные чёрными, почти живыми чернилами:

НИКТО. НИКОГДА. НИКОГО.

Артём медленно, как в кошмаре, поднял глаза к окну. В отражении в мокром стекле он увидел своё перекошенное лицо. А в глубине отражения зала, в том самом углу, где зародилась тишина, снова мерцало то пятно беззвучного холода. Оно замерло.

И смотрело прямо на него.

Ловушка захлопнулась. Охота началась.

ЧАСТЬ 1: ТЕНЬ В ЗЕРКАЛЕ

Глава 1. Сейф и узел на память

Клиника «Панацея» пахла ложной стерильностью и тоской. Артём стоял у двери палаты, сжимая в руке конверт с тремя роковыми словами. За стеклом, под монотонный писк аппаратов, угасал его отец, Кирилл Игнатьевич. Человек-гора, превратившийся в бледную тень на простынях. Их отношения всегда были сухопутными минами: невысказанные упреки, молчаливое разочарование, любовь, похороненная под слоями обид. Артём пришёл, потому что «надо». И теперь не знал, о чём говорить с этим уходящим призраком.

Он почти решился войти, когда к нему подошла медсестра – не та, что была у поста пять минут назад, а другая. Лицо стёртое, без возраста. Она молча протянула ему небольшой плоский конверт из коричневой бумаги.

– Вам. Передали для вас. – Голос у неё был без интонаций, как у автоответчика.

– Кто? – спросил Артём, но медсестра уже разворачивалась, её белый халат мелькнул и растворился за углом коридора.

Конверт был чистым, без пометок. Внутри – холодный металлический ключ от сейфа с гравировкой «Хранилище-17» и старая, слегка потрёпанная фотография. На снимке – мужчина лет сорока с умными, усталыми глазами и странной, чуть кривой улыбкой. Незнакомец. На обороте, тем же стилизованным почерком, что и на проклятом конверте, но другими чернилами (синими, а не чёрными) было написано:

«Он знает, почему умерла твоя мать. Найди его, пока это не сделал НИКТО.»

У Артёма похолодело внутри. Мать. Автомобильная авария, двадцать лет назад. Ясная ночь, пустая трасса... и внезапный выезд на встречную полосу. Следствие говорило об усталости за рулём. Отец никогда не обсуждал это, его горе превратилось в вечную, ледяную стену.

А теперь эта записка. Это была не просто манипуляция. Это был выстрел в самую незаживающую рану. И заманчивое обещание: «ОН ЗНАЕТ». Кто этот человек? Свидетель? Виножник? И что значит «пока это не сделал НИКТО»? Убил? Или... стёр, как того Чистильщика в ресторане?

Артём судорожно сунул конверт в карман. Ключ жёг ладонь. Он вошёл в палату.

Глава 2. Последние слова: особенно мне

Воздух в палате был тяжёлым, пропитанным лекарствами и приближением конца. Артём сел на стул, глядя на восковое лицо отца. Он хотел сказать что-то важное, простить или попросить прощения, но слова застряли комом в горле. Он просто взял его холодную, лёгкую руку.

И тогда веки Кирилла Игнатьевича дрогнули. Глаза, мутные и угасающие, открылись. В них не было ясности, но была нечеловеческая концентрация. Он увидел сына. Его пальцы слабо сжались вокруг руки Артёма.

– Артём... – хрип, больше похожий на скрип ржавой двери. Отец пытался приподняться, но сил не было. Он потянул сына ближе, его дыхание пахло болезнью и тайной.

Артём наклонился, сердце бешено колотилось.

– Никогда... – прошептал отец, и каждое слово давалось ему мучительно. – Никому... не доверяй.

Пауза, наполненная лишь пискom монитора.

– Даже мне. – Глаза отца наполнились бездонной скорбью и... страхом. – Особенно мне.

Рука разжалась. Голова откинулась на подушку. Монитор выдал протяжную, ровную ноту. Кирилл Игнатьевич Смирнов был мёртв. Унёс с собой в могилу начало объяснения и оставил после себя ядовитый парадокс: не доверять отцу, который только что предупредил его из последних сил.

Глава 3. Поддельная жизнь

«Хранилище-17» оказалось частным архивом в подвале старого здания в центре. Камера хранения. Безлюдно и пыльно. Сейф №314 открылся с тихим щелчком.

Внутри не было денег или драгоценностей. Лежала тонкая стопка документов в картонной папке.

Паспорт РФ. На имя Артёма Кирилловича Смирнова. Все данные верные: дата рождения, прописка. Но фотография... была с мужчиной с той самой фотографии из конверта. Умные, усталые глаза смотрели прямо на Артёма. Подпись была не его.

Свидетельство о рождении. Его копия. Но в графе «Мать» стояло не «Смирнова Анна Владимировна», а «Смирнова (Карелина) Елена Львовна». Имя его матери было другим.

Досье. Несколько листов машинописного текста. Сухие, лаконичные отчеты.

«Субъект А.К.С. демонстрирует устойчивые воспоминания о событии „ДТП на 78-м км шоссе“, не соответствующем архивным данным ГИБДД. Требуется коррекция вторичного круга (отец, К.И.С.). Вариант: инсульт на почве горя.»

«Внедрение в память Субъекта А.К.С. травмы колена в результате „падения с велосипеда в возрасте 12 лет“ успешно завершено. Старая версия (перелом руки на тренировке) стерта у всех контактов.»

«Наблюдение за Смотрителем продолжается. Субъект проявляет к нему интерес. Возможно, первичные мемы не полностью подавлены.»

Артём читал, и мир вокруг него терял твёрдую реальность. Это был не просто шпионский бред. Это был протокол... программирования. Программирования его жизни. Его воспоминаний. Его травм.

С трясущимися руками он выхватил телефон и начал звонить. Лучшему другу детства, Сергею.

– Серёг, привет, это Артём. Слушай, помнишь, как я в детстве руку сломал?

– Руку? – в голосе Сергея была искренняя недосказанность. – Ты же с велосипеда грохнулся, колено себе разбил в хлам. Мы же тебя потом две недели в школу на такси возили. Руку? Не, не припоминаю.

Артём положил трубку. Он помнил оба события. Ярко, до мелочей. И падение с турника, и гипс. И падение с велосипеда, и содрванное колено. Две параллельные памяти боролись в его черепе.

Он вбежал в свою квартиру, снёс со стен рамки со старыми фотографиями. Детский сад. Он на фото, но дети вокруг... их лица были слегка смазанными, нечёткими. Школьный выпускной. Он стоял с краю, а рядом с ним – пустое место, будто кого-то вырезали. Но он помнил, что там стояла Маша, его первая любовь. Где Маша теперь? Он не мог вспомнить её фамилию.

Он нашёл альбом с самыми ранними фото. Мне год. На руках у отца. И у... женщины. Женщины, которая была не его матерью. У неё были те самые умные, усталые глаза с фотографии. И кривая, печальная улыбка.

Его жизнь была коллажем. Склеенным из чужих моментов.

Глава 4. Смотритель в санатории пустых кресел

Мужчину с той самой фотографии, что лежала в сейфе вместе с ключом и досье, он искал три дня. Тот же странный, умный взгляд, та же кривая, чуть печальная улыбка – человек, которого Артём никогда не видел в жизни, но чьё лицо теперь преследовало его в кошмарах.

Фотография была старой, потрёпанной, но подпись на обороте – «Он знает, почему умерла твоя мать» – не давала покоя. Артём перерыл все отцовские вещи, пробил старые связи, нашёл упоминания в забытых документах. И вышел на след.

Человек с фотографии жил не в квартире, не в доме – он прятался в заброшенном санатории «Сосновая Роща» на окраине города.

Место было похоже на декорацию к апокалипсису: выбитые окна, плесень на стенах, пустые вестибюли с рядами пыльных кресел, обращённых к давно неработающему телевизору.

«Смотритель» (он не назвал другого имени) сидел в единственном чистом кресле в углу просторного, полутемного зала. Он курил трубку, и дым табака смешивался с запахом сырости и забвения. Он выглядел именно так, как на фото, только ещё более измождённым.

– Я думал, ты придешь раньше, – сказал Смотритель, не глядя на Артёма. Его голос был низким, спокойным, усталым. – После случая в «Оазисе». Чистильщик был талантливым, но сентиментальным. Он зажёл факел. И сгорел в нем.

– Кто вы? – выдохнул Артём, останавливаясь в пяти шагах. – Что это за досье? Кто такая Елена Львовна?

Смотритель наконец посмотрел на него. В его глазах была не жалость, а клинический интерес, как у учёного, наблюдающего редкий эксперимент.

– Ты не первый. Ты даже не второй. Ты – «Отголосок». Поздний, довольно грубый, но... интересный. Кто-то стёр тебя из одной реальности и встроил в другую. Наложил новый сценарий поверх старого. Но сделал это наспех, в состоянии... аффекта. Швы расходятся. И ты начал это замечать.

– Какую реальность? Какой сценарий? Кто?!

– «Автор», – просто сказал Смотритель. – Редкая птица. Тот, кто нашёл слабое место в ткани мира и научился вплетать новые нити. Он создал тебя. Или, вернее, вписал. Для какой-то цели. Утешения? Искупления? Мести? Не знаю. Его мотивы всегда были... эмоциональны. И в этом его слабость.

Артём чувствовал, как его рассудок цепляется за края.

– А «НИКТО» – это кто?

Смотритель сделал глубокую затяжку.

– «НИКТО» – это не враг. Это... закон. Принцип симметрии. Алгоритм реальности, который поддерживает целостность истории. Когда в сценарий вбрасывают лишнего персонажа, как тебя, возникает противоречие, которое нужно устранить. «НИКТО» приходит, чтобы восстановить гармонию. Стереть лишнее. Зашить дыру. Чистильщик был его инструментом. Рукой. Но рука взбунтовалась.

– Они стирают людей...

– Они стирают ошибки, – поправил Смотритель. – Людей, событий, воспоминания – всё, что не сходится в единую, непротиворечивую историю. Ты – ходячая ошибка, Артём. И твоё время на исходе.

Глава 5. Чистильщик и петля тишины

Смотритель рассказал ему о системе. О том, как реальность, подобно книге, стремится к внутренней согласованности. «Авторы» – аномалии, гении или безумцы, способные вносить правки. «Отголоски» – их творения, встроенные в чужие сюжеты. «Смотрители» – те, кто наблюдает за разломами, часто бывшие «Авторы», потерявшие свой дар или рассудок. И «НИКТО» – безликий, неумолимый механизм коррекции.

– Чистильщик в ресторане, – говорил Смотритель, – должен был начать с тебя. Ты – первая ниточка, ведущая к «Автору». Но вместо этого он пришёл предупредить. Сломал протокол. Это дало тебе фору. Маленькую.

Внезапно Смотритель замолчал, прислушался. Не к звукам – к их отсутствию. За окном, в сосновом лесу, стих ветер. Перестали шелестеть листья. Пропал далёкий лай собаки.

– Он уже здесь, – тихо сказал Смотритель. Его спокойствие наконец дало трещину, в глазах мелькнул знакомый Артёму ужас. – «НИКТО» приходит не как человек. Он приходит как... тишина. Как трансформация реальности. Беги.

– Куда?! – вскрикнул Артём.

– Ищи Первоисточник! Того, кто тебя «написал»! Без него ты – просто призрак, и тебя сотрут! Ищи там, где все истории начинаются и заканчиваются! В библиотеке на углу Пролетарской и Тупиковой! Беги сейчас!

Смотритель вскочил с кресла и оттолкнул Артёма к чёрному ходу. Артём выскочил в сырой, пронизывающий воздух. Оглянулся.

Окно зала, где только что сидел Смотритель, было тёмным и абсолютно пустым. Не просто пустым. Оно выглядело так, будто за ним никогда не было комнаты – лишь глухая, заросшая паутиной стена. Санаторий стоял молчаливый и мертвый, как сто лет.

И тогда Артём услышал. Вернее, не услышал.

Тишина уже спускалась с неба. Вернее, он не услышал – он почувствовал. Не просто отсутствие шума. Физическая, плотная волна, которая погасила всё: его собственное дыхание, стук сердца в ушах, шорох одежды. Он был заключён в идеальный, непроницаемый кокон тишины радиусом в пять метров. В этом коконе время текло иначе – медленнее, гуще.

Но ноги не понесли его прочь. Он замер, вглядываясь в ту сторону, откуда пришла волна. В его голове лихорадочно работал какой-то новый, прежде дремавший механизм.

«Смотритель сказал – ищи в библиотеке. Но почему там? Почему не в любом другом месте? Что такого в библиотеке?»

Он вспомнил слова Чистильщика: «Я оставил там всё. Координаты, ключи, досье... на него. Чтобы ты нашёл его первым». Ключи. Досье.

«Смотритель знал про Чистильщика. Знал, что тот должен был прийти ко мне. Но Чистильщик пошёл не ко мне, а в ресторан. Почему?»

Он напряг память, прокручивая назад слова самоубийцы: «Ты должен был прийти в "Берлогу"... Я оставил там всё...»

И тут его осенило. Берлога. Дача. Не библиотека. Смотритель сказал «библиотека», но Чистильщик оставил следы в другом месте.

«Он либо ошибся, либо... намеренно уводит меня в сторону. Но зачем?»

Волна тишины приближалась. Времени на раздумья не было. Но первый самостоятельный вывод был сделан: доверять Смотрителю нельзя. Он что-то скрывает. И это понимание, это крошечное зерно сомнения, родилось не из чужих слов, а из сопоставления фактов.

Он побежал. Назад, к городу, к шуму, к жизни. Его шаги не звучали. Сломанная ветка под ногой согнулась без хруста. Он бежал в своём личном аду безмолвия, и сзади, плавно и неотвратно, эта волна тишины плыла за ним, поглощая мир след в след.

Его мозг вскипел от ужаса и осознания: бежать бесполезно. «НИКТО» уже здесь. Внутри его личной реальности. И следующее, что оно поглотит и сотрёт, будет он сам.

Глава 6. Библиотека несуществующих книг

Бежать в полной тишине оказалось пыткой. Его собственное тело предавало его: стук сердца, которого он не слышал, но чувствовал в висках и горле как дикую, немую пульсацию; свист воздуха в лёгких, превратившийся в мучительное ощущение разрыва. Он бежал по пустынным улочкам спального района, и за ним, как призрачный шлейф, плыл его личный пузырь беззвучия. Окна домов по его маршруту гасли, будто сама жизнь отдёргивалась от заразы.

Он свернул на Тупиковую улицу. Она действительно была тупиковой: упиралась в глухую кирпичную стену заброшенной фабрики. На углу, вклиненное между двумя безликими хрущёвками, стояло невысокое здание из тёмного кирпича с вывеской, на которой остались лишь облупленные следы букв. «Б...бл...отека». Окна были грязными, но внутри горел тусклый, желтоватый свет.

Артём влетел в дверь, едва не сорвав её с петель. И – очнулся.

Тишина лопнула. Её сменил густой, пыльный воздух, пахнущий старой бумагой, клеем и чем-то электронным – озоном, как после грозы. Звуки мира ворвались обратно: далёкий гул машин, скрип половиц под ногами, его собственное прерывистое, хриплое дыхание.

Он обернулся. Его пузырь тишины остался за порогом. Он видел его как странную дымку, искажающую вид улицы, но она не пересекала дверной проём. Будто здесь, в библиотеке, действовали другие законы.

Внутри было нечто среднее между архивом и серверной. Бесконечные стеллажи, уходящие в полумрак, ломались от папок, книг и переплетённых рукописей. Но в центре зала, под единственной яркой лампой, стоял массивный письменный стол из тёмного дерева, а на нем – нечто совершенно анахроничное: древний компьютерный терминал с зелёным монитором и мигающим курсором. К нему были подключены несколько жёстких дисков, обмотанных изолентой, а откуда-то из-под стола тянулись толстые чёрные кабели, уходящие в дыру в полу.

За терминалом сидел пожилой мужчина в потертом кардигане. Он что-то печатал, не обращая на Артёма внимания. На табличке на столе было выгравировано: «ХРАНИТЕЛЬ. КАТАЛОГИЗАЦИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ».

– Закройте дверь, – негромко сказал Хранитель, не отрываясь от экрана. – Сквозняк. Бумаги летают.

Артём, машинально повинувшись, захлопнул тяжёлую дверь. Улица с её тишиной исчезла.

– Меня... меня преследует...

– Знаю, – перебил Хранитель. Он наконец поднял на него глаза. Это были глаза библиотекаря: усталые, внимательные, видевшие тысячи историй. – Вы – артефакт с пометкой «рассогласование». Временный файл, занявший постоянное место. «НИКТО» выполняет дефрагментацию. Вы – мусор, подлежащий удалению.

– Я человек! – выкрикнул Артём, и его голос прозвучал громко и жалко в этой тишине.

– Человек – это согласованная история, – философски заметил Хранитель, откидываясь на стуле. – У вас же история... двойная. На вас наложен чужой сценарий. И ваш оригинал, судя по всему, не был удалён корректно. Остались обрывки памяти. Воспоминания-призраки. Это и привлекает Корректора.

«Корректор». Новое имя для «НИКТО». Не лучшее.

– Смотритель сказал... найди Первоисточник. Автора.

Хранитель кивнул, потянулся к стопке перфокарт в коробке из-под обуви.

– Смотритель – романтик. Он верит в силу творца. Но Автор – всего лишь пользователь, нашедший брешь в системе. Система же... она больше. Вы хотите найти того, кто написал вас? Ищите здесь. – Он махнул рукой на стеллажи. – Все истории здесь. И настоящие, и... внедрённые.

Он повернул монитор к Артёму.

– Ваше имя?

– Артём. Смирнов. Кириллович.

Хранитель что-то ввел. На экране замелькали строки текста, похожие на код.

>> *ПОИСК: "СМИРНОВ АРТЁМ КИРИЛЛОВИЧ"*

>> *НАЙДЕНО: 2 ЗАПИСИ.*

*>> *ЗАПИСЬ #А-78: СМИРНОВ А.К. (ОСНОВНОЙ КОНТУР). СТАТУС: АКТИВЕН. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: Г. НОВОСИБИРСК. **

*>> *ЗАПИСЬ #В-42: СМИРНОВ А.К. (НАЛОЖЕННЫЙ КОНТУР). СТАТУС: КОНФЛИКТ. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: ОШИБКА ДУБЛИРОВАНИЯ. **

Артём впился в экран. Основной контур. В Новосибирске. Значит... где-то есть другой Артём Смирнов. Настоящий. А он... наложенный контур. Ошибка дублирования.

– Откроем основную запись, – прошептал он.

Хранитель щёлкнул. На экране появился текст, похожий на сухую биографическую справку, смешанную с литературным наброском.

...проявил склонность к точным наукам... окончил НГУ... женился на коллеге, ЕЛЕНЕ (см. ЗАПИСЬ К-19)... в 2018 году погибли родители (КИРИЛЛ И АННА СМИРНОВЫ) в ДТП... период депрессии... в настоящий момент работает ведущим инженером в "СИБИРСКИХ СЕТЯХ"...

Родители погибли в ДТП. Оба. И мать звали Анной. Не Еленой. Это была чужая жизнь. Правильная, цельная жизнь того, кем он должен был быть.

– А... наложенный контур? – спросил Артём, чувствуя, как его тошнит от осознания.

Хранитель открыл вторую запись. Текст был другим – более эмоциональным, нервным, с пометками на полях.

...внедрение субъекта А.К.С. (наложение) в якорную точку "смерть матери" произведено с целью коррекции травмы у ИСТОЧНИКА Л.К. (см. ЗАПИСЬ "АВТОР/КАРЕЛИН")... привиты модифицированные воспоминания детства... интеграция с социальным кругом К.И.С. (отец) произведена с ошибками... требуется наблюдение...

«Источник Л.К. Автор/Карелин». Имя. Л.К. Карелин. Автор.

– Где он? – голос Артёма был хриплым. – Где этот Карелин?

– Авторы редко оставляют обратный адрес, – вздохнул Хранитель. – Они боятся не только Корректора, но и последствий своих правок. Но... – Он покопался в файле. – Здесь есть якорь. Точка, с которой началось внедрение. Координаты. – Он выписал что-то на клочке бумаги. – Старый научный городок «Центавр». Заброшен с 90-х. Будьте осторожны. Места вроде этого... притягивают не только любопытных.

Внезапно зелёный экран задрожал. Текст на нем поплыл, превращаясь в месиво символов.

>> *ОБНАРУЖЕНА НЕСАНКЦИОНИРОВАННАЯ АКТИВНОСТЬ.*

*>> *ЗАПРОС НА ОЧИСТКУ ФАЙЛА #В-42.**

>> *ИНИЦИИРУЕТ: КОРРЕКТОР.*

– Он нашёл нас, – спокойно констатировал Хранитель. – Через терминал. Он в сети. Уходите. Сейчас.

– А вы?

– У меня есть резервные копии. И своя работа. Уходите, Артём-дубль. Ищите своего Автора. Только он знает пароль для вашего... сохранения. Или удаления.

Кабели под столом затрещали. Лампочка над головой Хранителя мигнула и погасла, остался только зловещий зелёный свет монитора, на котором строчка за строчкой исчезала его, Артёма, наложенная биография. Стиралась сама информация о его существовании.

Артём схватил бумажку с координатами и бросился к выходу. На пороге он обернулся. Хранитель сидел в темноте, освещаемый лишь мерцающим экраном, и смотрел на исчезающий текст с печальным профессиональным интересом. На его столе лежал открытый том. Артём мельком увидел название: «Протоколы Корректора. Том I: Стирание как акт милосердия».

Он выбежал на улицу. Ночь. Тишина его личного пузыря исчезла. Но теперь весь мир вокруг казался ему ненастоящим, хрупким, вот-вот готовым рассыпаться или быть переписанным заново. У него в руке было имя: Карелин. И место: «Центавр».

В голове гудело. Два Артёма. Наложённый контур. Ошибка дублирования.

Он сел на скамейку, игнорируя холод. Телефон жёг карман, но он не спешил его доставать. Он закрыл глаза и заставил себя думать, как следователь.

«Карелин. Автор. Зачем ему понадобился я? Он мог взять любого. Но он взял мою внешность, мою дату рождения... мою жизнь. Почему?»

Он перебрал в памяти всё, что рассказал Хранитель. «Источник Л.К. Автор/Карелин». «Внедрение... с целью коррекции травмы у ИСТОЧНИКА Л.К.»

«Источник – это Лев Карелин. Он пытался вылечить себя? Нет. Он пытался воскресить сестру. Значит, источник травмы – не он сам, а его сестра. Елена. И её травма – это... смерть. Но если она мертва, при чём здесь я?»

Внезапно его пронзило.

«Если Карелин создал меня, чтобы воскресить Елену в памяти отца, значит, отец должен был быть ключевой фигурой в её жизни. Но отец – всего лишь следователь, который вел её дело. Если, конечно, он был просто следователем...»

Это был его собственный логический скачок. Не информация от Хранителя, а вывод, сделанный на её основе. И этот вывод вел к простому, но страшному вопросу: а что, если отец знал Елену не по долгу службы?

Но, прежде чем двинуться в путь, ему нужно было сделать одно. Он достал телефон, нашёл в поиске «Смирнов Артём Новосибирск». Соцсети. Он должен был увидеть. Увидеть себя настоящего.

Профиль был закрыт. Но на аватарке... был он. Совсем другой – уставший, серьёзный, в очках, но это были его черты. Его лицо. А рядом с ним на другой фотографии (маленькой, в превью) – женщина. Та самая, с фотографии в сейфе. С умными, печальными глазами. Подпись: «С женой Леной».

Его мозг вскипел. Его «Автор», Карелин, вписал его в реальность, используя как шаблон... другого человека. Настоящего Артёма из Новосибирска. Но зачем? И кто тогда эта Елена? Жена настоящего Артёма? Или... что-то связанное с Автором?

И самый ужасающий вопрос, пришедший в этот момент: А что, если «НИКТО»/Корректор – это и есть попытка настоящего Артёма из Новосибирска... вернуть свою украденную жизнь?

ЧАСТЬ 2: ЧЕРНИЛЬНАЯ КРОВЬ

Глава 1. Нулевой пациент

Дорога в «Центавр» была не просто поездкой на машине, взятой напрокат. Это было путешествие в небытие. Заброшенный научный городок, некогда передовой форпост кибернетики и семиотики, сейчас напоминал серый зуб, торчащий из земли. Бетонные коробки зданий,

изъеденные временем и граффити, заколоченные окна, пустынные аллеи, заросшие бурьяном. Где-то здесь, в одном из этих зданий, его создали. Не родили – создали. Сшили из чужих воспоминаний и вшили в чужую жизнь.

Координаты привели его не к главному корпусу, а к невзрачному бункеру, частично вкопанному в холм. Дверь, оббитая сталью, была приоткрыта. Из щели сочился тусклый электрический свет и доносился запах – озон, старое оборудование и... камфора? Аромат больницы.

Внутри царил организованный хаос. Стены были завешаны схемами, на которых стрелки и символы образовывали лабиринты, похожие на нейронные связи. Стеклянные шкафы с образцами тканей, химикатами. И сердцем этого логова была больничная кровать, окружённая аппаратурой. Старый ИВЛ мерно вздыхал, подключённый к генератору, а его трубки вели к иссохшему телу под простынёй.

Тот, кого он искал. Автор.

Лев Карелин был живым скелетом, обтянутым пергаментной кожей. Десятки трубок и проводов связывали его с миром, который он когда-то пытался переписать. Его глаза были закрыты, но, когда Артём сделал шаг, они открылись. Глаза того самого цвета, что и у женщины на фотографии – серо-стальные, умные, но истощённые до дна.

– Артём... – голос был шелестом сухих листьев, усиленным микрофоном где-то над кроватью. – Ты пришёл. Поздно. И вовремя.

– Вы... Карелин? – спросил Артём, не решаясь подойти ближе.

– Создатель. Грешник. Пациент номер ноль, – ответил старик, и уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. – Я знал, что ты найдёшь путь. Слишком много нитей вплёл. Слишком много швов. «НИКТО» их видит, как маяки. А ты... ты ходишь с фонарём.

– Зачем? – вырвалось у Артёма, и в этом слове была вся его боль, страх и ярость. – Зачем вы это сделали? Кто я?!

Карелин медленно перевёл взгляд на потолок, уставленный фотографиями. На многих – одна и та же женщина. Молодая, смеющаяся. Его сестра. Елена.

– Умирают не только тела, Артём. Умирают истории. Умирает смысл. Моя сестра... Лена... погибла. По-настоящему. Но память о ней была неполной, ущербной. Она должна была... остаться. И не как тень. Как живой человек. Я искал подходящую... канву. Нашёл тебя. Вернее, твой оригинал. Его жизнь была пуста после потери родителей. Идеальный чистый лист. Я начал вплетать её черты, её судьбу... в его жизнь. Создавал для неё мужа. Но...

Он закашлялся, аппарат запищал.

– Но я ошибся. Не учёл силу привязанности оригинала. Его история сопротивлялась. Возникали разрывы. Парадоксы. И тогда... я пошёл на крайние меры. Я создал тебя. Отдельную сущность. Не точную копию оригинала, а... гибрид. Часть его биографии, часть воспоминаний Лены, и... моих надежд. Я поселил тебя рядом с Кириллом, её отцом в моём сценарии (твоим отцом в твоём), чтобы залатать его горе. Чтобы у неё... у истории о ней... было продолжение.

Артём чувствовал, как почва уходит из-под ног. Он был не просто подделкой. Он был суррогатом – искусственной заменой того, кого уже не вернуть. Лекарством от чужого горя, созданным безумным целителем.

– А настоящий Артём? Тот, в Новосибирске?

– Живёт свою жизнь. Смущён лёгкими несоответствиями, странными снами... но система его защищает. Она стремится к стабильности. Ты же... ты моя незаконная операция. Ты вне системы. Поэтому Корректор ищет тебя.

– Корректор... «НИКТО»... это что? Программа? Существо?

Карелин посмотрел на него с бесконечной усталостью.

– Это последствие. Иммунный ответ реальности. Представь, что всё сущее – это гигантский, само редактирующийся текст. Авторы вроде меня – вирусы, вносящие произвольные

правки. Корректор – антивирус. Он находит несанкционированные изменения и возвращает текст к последней стабильной версии. Стирает вирус... и всё, что он написал.

Глава 2. Тень Елены

Внезапно свет в бункере мигнул. Генератор заурчал на повышенных оборотах. Карелин напрягся.

– Он близко. Чувствуешь? Воздух становится... густым.

Артём почувствовал. Давление в ушах. Звуки аппарата стали приглушёнными, ватными.

– Как остановить? – быстро спросил он.

– Не остановить. Можно только... перенаправить. Сделать так, чтобы твоя правка стала неотъемлемой частью реальности. Для этого нужен... якорь. Сильнее, чем память. Сильнее, чем документ.

– Что?

– Любовь, – прошептал Карелин. – Или её идеальная симуляция. Эмоциональная связка такой силы, что система признает её не ошибкой, а... сюжетным поворотом. Тебе нужно найти её. Найти Лену. Не мою мёртвую сестру, а ту, что жива в этой реальности. Она – твой шанс.

– Где она?

– Не знаю, – честно ответил старик. – Я вписал её как тень, как мотив. Но реальность... она достраивает детали сама. Ищи женщину по имени Елена Карелина. Или Смирнова. Ищи... свою жену. В том мире, который я для тебя построил, она должна была быть.

Стены будто вздохнули. Тени в углах сгустились, стали плотными, бархатистыми. Аппарат ИВЛ издал предсмертный писк и замолчал. Резервное освещение погасло, оставив лишь тусклый аварийный свет где-то вдалеке.

– Он здесь, – сказал Карелин, и его голос стал совсем тихим. – В стенах. Беги, Артём. Ищи её. И помни... самый опасный враг – не тот, что стирает, а тот, что предлагает тебе красивую ложь вместо уродливой правды. Не верь...

Он не договорил. Из темноты за его кроватью выплыла фигура. Не человек – отсутствие человека. Пятно, где свет гнулся и гас, а пространство мерцало, как на сильной жаре. Оно коснулось Карелина.

И старик расслоился. Как будто из него вытянули две прозрачные копии. На миг Артём увидел три наложения: умирающего старика, подключённого к аппаратам; мужчину в расцвете сил, смотрящего с надеждой; и скелет в земле, рассыпающийся в прах.

Затем две копии схлопнулись, слились обратно в одну – в ту, что лежала на кровати. Но это был уже не Лев Карелин, каким Артём видел его минуту назад. Аппараты вокруг покрылись толстым слоем пыли, трубки истлели. На кровати лежала просто... мумия, пролежавшая здесь десятилетия. Корректор не убил его. Он просто убрал аномалию, вернув телу его настоящий возраст – смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.